

Нин Цинъян принял новую одежду, невозмутимо осмотрел её, не обнаружил ничего подозрительного и переоделся, отбросив в сторону свою прежнюю — рваную и пропитанную кровью.

Хуа Цзиньюй украдкой подобрал этот лохмотья. Прижимая к себе окровавленную ткань, он с блаженной улыбкой вдохнул исходящий от неё запах и спрятал вещь в своё кольцо-хранилище. А там уже горой лежали биографии демонического владыки Уши и всякий хлам, который тот когда-то выбросил за ненадобностью... В конечном счёте Хуа Цзиньюй был не более чем одержимым фанатиком.

Нин Цинъян не видел действий Хуа Цзиньюй. Он поднялся, взвалил Е Цзюньчжу на спину, и они вместе с Хуа Цзиньюем отправились в ближайший городок искать постоянный двор. Раз уж Хуа Цзиньюй всё равно раскрыл его личность, скрывать что-либо не имело смысла, и Нин Цинъян лично принялся готовить лекарство для Е Цзюньчжу.

Рецепт этого отвара Нин Цинъян разработал сам. Будучи демоническим владыкой, который всегда держался особняком — проще говоря, не пользовался популярностью, — он привык в случае хворей полагаться только на себя, вот и напридумывал всяких странных снадобий. Это лишь усилило обожание со стороны Хуа Цзиньюя.

Е Цзюньчжу пробыл без сознания четыре дня. Когда он очнулся, обнаружил, что его культивация упала на уровень ниже: призрачный силуэт его зародыша души стал почти прозрачным и теперь, сжавшись в комок в дантяне, неподвижно спал.

Е Цзюньчжу посмотрел на свой истощённый зародыш и тяжело вздохнул: в этот раз он крупно прогорел.

— Красавчик, очнулся? — Хуа Цзиньюй вошёл в комнату, неся миску с чёрной, источающей кисло-гнилостный запах жижей.

Е Цзюньчжу повёл носом и спросил:

— Что это ты принёс?

Хуа Цзиньюй протянул ему миску:

— Это... кхм, долго вывариваемый отвар. Уникальный рецепт нашей секты Хэхуань, специально для лечения повреждений зародыша души. Пей скорее.

Кончики пальцев Е Цзюньчжу слегка задрожали. Этот аромат напомнил ему жаркие летние дни в выпускном классе, когда в душном кабинете стоял запах немытых ног.

Хуа Цзиньюй, казалось, ничего не чувствовал. В его глазах снадобье, созданное самим владыкой, никак не могло пахнуть плохо. Если тебе кажется, что оно воняет — значит,

проблемы с твоим обонянием.

Хуа Цзиньюй склонил голову набок:

— Красавчик, почему не пьёшь? Давай я покормлю тебя, как делал, пока ты был без сознания.

Лицо Е Цзюньчжу стало белее полотна. Оказывается, пока он был в отключке, ему вливали в рот эту гадость!

Увидев, как Е Цзюньчжу побледнел ещё сильнее, Хуа Цзиньюй решил, что тому стало хуже, и поспешно потянулся с ложкой к его губам.

— Остановись! — рявкнул Е Цзюньчжу. Плотно сжав губы, он выхватил миску с этой неведомой субстанцией и, зажмурившись, залпом осушил её. Хотя его воротило, он не был изнеженным слабаком: если эта дрянь лечит, он выпьет её, даже если придётся рыдать.

Е Цзюньчжу едва успел отставить миску, как глаза его закатились, и он снова провалился в забытьё. Это был не отвар, а яд высшей пробы.

Когда Е Цзюньчжу проснулся, уже стемнело.

— Учитель, — Нин Цинъян присел рядом и протянул ему ярко-красный плод. — Пожалуйста, подкрепитесь.

Е Цзюньчжу взял плод и откусил кусочек. Во рту, всё ещё отдававшем кислым смрадом, тут же разлился приятный аромат. Он слегка приподнял бровь:

— Цинъян, ты сам-то не пострадал?

Нин Цинъян нахмурился:

— Ученик провалил попытку прорыва.

Из-за того, что медитацию прервали, он не только не повысил уровень, но и получил обратный удар ци.

Е Цзюньчжу помолчал немного и сказал:

— Ничего страшного. Учитель найдёт способ помочь тебе преодолеть барьер.

— Красавчик, — Хуа Цзиньюй сидел на стуле, подперев щеку рукой, — у босса Цинъяна повреждена основа, боюсь, прорваться будет непросто. Разве что найти Девятилистный семицветный цветок, он способен восстановить корень культивации.

Е Цзюньчжу замер:

— Девятилистный семицветный цветок?

Хуа Цзиньюй кивнул:

— Он восстанавливает основу и повышает талант. Растёт на Крайнем Западе, но никто никогда его не находил.

На самом деле он сам слышал об этом впервые — всё это ему подсказал Нин Цинъян.

Глядя на своего ученика, который выглядел таким подавленным, Е Цзюньчжу невольно погладил его по волосам:

— Не переживай, учитель добудет для тебя этот цветок.

Нин Цинъян опустил голову, и уголки его губ дрогнули. Этот заклинатель довольно предан владыке, не зря он позволил называть себя учителем.

Е Цзюньчжу смотрел на макушку ученика и думал: Цинъян ещё совсем юн, услышал, что не может прорваться, и наверняка сильно расстроился. Нужно будет попытаться его приободрить. Забота о психологическом здоровье подростка — долг опекуна.

Е Цзюньчжу мягко проговорил:

— В жизни всякое бывает, таков путь Дао, не стоит так убиваться. Цинъян, возвращайся в секту, отдохни, а учитель через пару дней отправится на Крайний Запад.

Нин Цинъян поднял голову и серьёзно сказал:

— Учитель, я поеду с вами.

Е Цзюньчжу нахмурился:

— Путь неблизкий, неизвестно, какие опасности ждут впереди. Лучше возвращайся в секту.

Нин Цинъян поджал губы. Этот заклинатель ведёт себя довольно упрямо. Но он же такой бестолковый, если владыка не пойдёт с ним, справится ли он?

Е Цзюньчжу не знал, что в мыслях ученика он уже получил клеймо «бестолковый». Он провёл рукой по волосам Нин Цинъяна:

— Будь послушным.

— Пф-ф! — Хуа Цзиньюй выплюнул весь чай, который только что пил. Он украдкой посмотрел на лицо демонического владыки и почувствовал зависть. Если бы он мог так же погладить владыку... жаль, смелости не хватает.

Тело Нин Цинъяна слегка напряглось. Подумал: если жёсткие методы не работают, придётся действовать мягко. Он уставился на Е Цзюньчжу, исказив лицо так, будто собирался совершить убийство, хотя на самом деле владыка просто пытался выглядеть жалко, но опыта в этом у него не было.

Уголок рта Е Цзюньчжу дёрнулся, и он отвесил Нин Цинъяну лёгкий подзатыльник:

— Нечего тут дурачиться.

Нет ничего печальнее, чем пытаться выглядеть мило, когда окружающие думают, что ты просто клоун.

Нин Цинъян, не зная, что ещё предпринять, бросил холодный взгляд на Хуа Цзиньюй, который наблюдал за сценой.

Хуа Цзиньюй вздрогнул, издал сухой смешок и сказал:

— Красавчик, на самом деле, пусть босс Цинъян едет с вами. Вдруг по пути подвернётся какая-нибудь удача? Нельзя же полагаться только на этот призрачный цветочек.

Е Цзюньчжу был в замешательстве. Он сам ранен, сможет ли защитить ученика в пути — большой вопрос. Но если действительно попадётся шанс, а он не взял Цинъяна и упустил его — что тогда?

Нин Цинъян дёрнул Е Цзюньчжу за рукав:

— Учитель.

Е Цзюньчжу посмотрел в глаза ученику, его сердце дрогнуло. Помолчав, он произнёс:

— Цинъян, слова Хуа Цзиньюй не лишены смысла. Поезжай со мной. — Он сделал паузу, повернулся к Хуа Цзиньюй и добавил: — А дозировку того лекарства можно увеличить?

Хуа Цзиньюй переглянулся с Нин Цинъяном и, получив безмолвное одобрение, улыбнулся:

— Конечно, можно.

После этого Нин Цинъян стал концентрировать состав, отчего лекарство стало ещё более кислым и вонючим. Каждый раз после приготовления он выбегал подышать свежим воздухом, перекладывая обязанность доставки на Хуа Цзиньюй. Он просто не мог выносить этот убийственный запах.

Е Цзюньчжу глубоко вздохнул, закашлялся от смрада, схватил миску и выпил всё одним махом. Затем у него потемнело в глазах, и он рухнул на кровать. Так продолжалось изо дня в день: очнётся, выпьет, снова в отключку. В этом цикле самоистязания раны Е Цзюньчжу наконец почти затянулись.

Спустя полмесяца у хозяина постоянного двора лопнуло терпение. Он нанял нескольких наёмников, и те выставили троицу вон.

Е Цзюньчжу поправил одежду и невозмутимо повёл ученика и его прихвостня прочь. Вот что значит широкая душа.

— Хуа Цзиньюй, возвращайся в секту Хэхуань, — внезапно сказал Е Цзюньчжу.

Лицо Хуа Цзиньюя изменилось. Он крепче сжал веер и обиженно пробормотал:

— Красавчик, как ты можешь так поступать? Только встал на ноги — и сразу гонишь?

Е Цзюньчжу глубоко вздохнул, подавляя желание дать ему пощёчину:

— Мне что, проводить тебя?

Хуа Цзиньюй опустил глаза:

— Раз ты так холоден, я не стану навязываться. Раз уж ты всё решил, я уйду. — С этими словами он поплёлся прочь, нарочито медленно и скорбно.

Е Цзюньчжу смотрел ему вслед и недоумевал: почему он вдруг стал таким покладистым?

Заклинатели обычно носят всё самое ценное при себе, поэтому Е Цзюньчжу не нужно было ничего собирать. Он сразу же повёл ученика к мечам, чтобы лететь на Крайний Запад.

Крайний Запад находился на самом краю мира. Устройство этого мира было весьма необычным: он не был сферой, а представлял собой четырёхугольную плоскость с границами. Если кто-то спросит, что находится за ними, то те немногие, кому хватило скуки дойти до края, ответят: на востоке — бескрайнее море, на западе — горы, которые невозможно преодолеть, на юге — бесконечный лес, а на севере — снежная пустыня.

Е Цзюньчжу направлялся как раз на запад, к тем самым горам, чтобы найти цветок с девятью лепестками семи цветов. Звучит довольно поэтично.

Стоя на летящем мече, Е Цзюньчжу размышлял о поэтичности мира, как вдруг заметил, что за ними следом летит летающий корабль. Он остановил меч и оглянулся.

Белое облако проплывало мимо, скрывая подозрительный силуэт.

Е Цзюньчжу помрачнел, взмахнул рукой, и поток духовной энергии разогнал облако, обнажив скрывающегося на корабле Хуа Цзиньюя.

Тот неловко улыбнулся:

— По пути, по пути...

Е Цзюньчжу нахмурился:

— Путь опасен, я не смогу тебя защитить, не следуй за нами.

Хуа Цзиньюй возмутился:

— Я сам могу себя защитить!

Е Цзюньчжу кивнул:

— Каждый, кто становится обузой, говорит это перед тем, как стать обузой. Нужно знать свои пределы.

Хуа Цзиньюй, обычно отличавшийся толстокожестью, вдруг покраснел — то ли от злости, то ли от стыда.

Нин Цинъян посмотрел на жалкого Хуа Цзиньюя:

— Учитель...

Е Цзюньчжу прервал его:

— Цинъян, не проси за него. Учитель заботится о его же благе.

Хуа Цзиньюй был тронут: владыка заступился за него? Неужели он наконец оценил его преданность? Жизнь прожита не зря.

Нин Цинъян слегка замер, а затем невозмутимо продолжил:

— Я просто подумал, что его корабль неплох. Путь на Крайний Запад далёк, если учитель будет всё время на мече, то сильно устанет.

Шутите? Как владыка может просить за балласт?

Е Цзюньчжу почувствовал облегчение: ученик учится проявлять сыновнюю почтительность.

Хуа Цзиньюй надулся. Что поделаться? Раз владыка сказал, придётся отдать корабль.

Е Цзюньчжу почувствовал неловкость, протянул Хуа Цзиньюю горсть духовных камней:

— Это в качестве арендной платы. Когда вернусь, верну корабль.

Хуа Цзиньюй понурился:

— Ладно. Вернётесь — найдёте меня. А корабль оставьте себе, в моей секте денег куры не клюют.

Сказано это было так небрежно, будто речь шла не о богатстве, а о булыжниках. Проклятый богач! Е Цзюньчжу, питавший классовую ненависть к богачам, убрал камни, прогнал Хуа Цзиньюя и поднялся на борт.

Кораблю нужны были только духовные камни, не нужно тратить собственные силы. Е Цзюньчжу задал курс и вошёл в каюту.

Корабль был небольшим, но внутри — роскошь: всё необходимое под рукой, потолок украшен светящимися жемчужинами, пол устлан шёлком. В центре стоял столик с чайным набором, а в потайных ящичках лежали сладости и ароматические полотенца. Вот она — легендарная скрытая роскошь.

Так началась «ленивая» жизнь учителя и ученика. Ели, спали, изредка пытались культивировать, но, поняв, что толку мало, забросили.

Через несколько дней, когда посторонних не было, Е Цзюньчжу расслабился. Он развалился в каюте, не заботясь о приличиях. Как же хороши сладости секты Хэхуань! Нужно будет заглянуть к ним в гости и прихватить пару коробок. Даже его ученик, обычно равнодушный к еде, оценил их.

Нин Цинъян выглядел чуть лучше, но тоже лежал рядом, заложив руки за голову и закинув ногу на ногу, размышляя о будущем: какую технику выбрать, оставаться ли демоническим практиком или перейти в светлые, кто именно пытался его убить... а также о том, на сколько дней хватит сладостей в ящике.

Е Цзюньчжу повернул голову к задумчивому ученику:

— Цинъян, тебя что-то гложет?

Нин Цинъян посмотрел на своего небрежного учителя и вдруг спросил:

— Учитель, что вы думаете о демонических практиках?

Е Цзюньчжу удивился, но терпеливо ответил:

— Есть три тысячи путей Дао. Демоны следуют пути желаний, буддисты — пути подавления, демоны-звери — пути против судьбы, а мы, заклинатели, — пути следования Небесам. Пути разные, дел с ними я не имею, так что и мнения особого нет.

Нин Цинъян нахмурился:

— А если всё же придётся иметь дело?

Е Цзюньчжу долго молчал. Он никогда не задумывался об этом. В книге, которую он читал, все демоны были лишь пушечным мясом и злодеями, а главный герой — чистокровный заклинатель. Ему было не до раздумий о демонах.

Нин Цинъян нетерпеливо ждал. На самом деле, привыкнув жить по своей воле, он предпочёл бы остаться демоном. Но если он станет демоном, ему придётся забрать этого заклинателя с собой. И ему было важно, добровольно тот пойдёт или нет. Нин Цинъян вдруг почувствовал растерянность: с каких пор его стало волновать мнение других?

Е Цзюньчжу собрался ответить, но его прервал голос снаружи:

— Корабль выглядит так убого, наверное, и хозяин такой же, но что поделать, придётся довольствоваться тем, что есть.

Е Цзюньчжу недовольно встал, поправил волосы и одежду, сбросил с себя налёт лени и снова принял вид благородного заклинателя. Выйдя наружу, он увидел мужчину в пёстрой одежде, стоявшего на носу корабля.

Мужчина оглядел его и усмехнулся:

— И правда, выглядит убого.

Е Цзюньчжу не хотел неприятностей. Почувствовав, что уровень культивации незнакомца — начальная стадия зародыша души, он сдержанно улыбнулся:

— Друг, у вас какое-то дело?

Мужчина подошёл ближе:

— Нам по пути, так что я воспользуюсь вашим кораблем.

Улыбка Е Цзюньчжу застыла:

— Мой корабль маловат, боюсь, вы будете чувствовать себя стеснённо.

— Я не против.

Е Цзюньчжу подавился словами:

— Куда путь держите?

— Туда, куда иду.

Е Цзюньчжу достал ледяные чётки и с опасной улыбкой сказал:

— Говори по-человечески.

Мужчина пристально посмотрел на него, вдруг сплюнул кровью и потерял сознание.

Только теперь Е Цзюньчжу заметил, что на его цветастой одежде расплылось ярко-алое пятно — это была кровь.

Не зная, кто он такой, Е Цзюньчжу дал ему таблетку, чтобы поддержать жизнь, связал его ледяными чётками и оставил на носу корабля обдуться ветром, а сам вернулся в каюту.

Нин Цинъян принялся:

— Учитель, от вас пахнет духами?

Е Цзюньчжу, не открывая глаз, ответил:

— Переел сладостей. Ешь меньше, зубы сгниют.

Нин Цинъян посмотрел на ленивого учителя и вздохнул: «Будь что будет». Он продолжил жевать сладости — кариес ему не грозил, у заклинателей крепкие тела.

Мужчина очнулся от холода. Он с трудом сел, глядя на закрытую дверь каюты. Рана ныла, и у него возникло странное желание заплакать. Он и вправду заплакал — громко, навзрыд, и голос его из грубого постепенно перешёл в тонкий и пронзительный.

Е Цзюньчжу, спавший крепким сном, проснулся от женского плача. Вспомнив фильмы ужасов, он почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Он притянул к себе ученика, обнял его, и только тогда почувствовал себя в безопасности.

Нин Цинъян раздражённо потёр уши:

— Как же орёт.

Е Цзюньчжу вздохнул, взял меч и решительно открыл дверь. На носу корабля, свернувшись калачиком, рыдала женщина, всё ещё связанная его ледяными чётками!

Рука Е Цзюньчжу дрогнула. Днём он связывал мужчину с густыми бровями, как же ночью тот превратился в женщину с тонкими бровями?

И мужчина, и женщина выглядели посредственно, но черты лица были идентичны.

Женщина внезапно замолчала, подняла голову, глядя на Е Цзюньчжу заплаканными глазами, и спустя долгое время спросила:

— Кто вы?

Е Цзюньчжу крепче сжал рукоять меча:

— Я Е Цзюньчжу. Вы потеряли сознание на моём корабле, цели были неясны, пришлось вас связать.

Женщина помолчала:

— Я Му Цин. Преследовала одного человека, но получила ранение и упала на ваш корабль. Прошу прощения.

Е Цзюньчжу отозвал чётки:

— Прошу прощения за неудобства.

Му Цин встала, поправила одежду и неестественно улыбнулась:

— Вы не видели здесь мужчину, похожего на меня?

Е Цзюньчжу моргнул:

— Нет.

Му Цин достала откуда-то десятитысячелетний линчжи:

— Извините за беспокойство, это в качестве компенсации.

Е Цзюньчжу не взял. Такой дар — это долг кармы.

— Это слишком ценно.

Му Цин сама вложила его в руку Е Цзюньчжу, нахмурившись:

— Ничего, у меня их много. Могу я остаться здесь, чтобы подлечиться? — Она прижимала руку к кровоточащей ране.

Е Цзюньчжу пришлось принять гриб:

— Хорошо, отдыхайте.

Му Цин отказалась заходить внутрь, села на палубе и принялась медитировать.

Е Цзюньчжу посмотрел на неё и вернулся в каюту.

Нин Цинъян уже не спал. С почерневшим лицом он спросил:

— Учитель, кто там?

Е Цзюньчжу пересказал всё, что произошло, и добавил:

— Если бы тот мужчина вырвался из чёток, я бы почувствовал. Не знаю, что это за метаморфозы. В любом случае, не будем лезть, как только ей станет лучше, она сама уйдёт.

<http://bllate.org/book/18830/1833234>